

ЛИЧНОСТНЫЙ ОПЫТ: ПУТИ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Лебединская И.В.

Лебединська І.В. Особистісний досвід: шляхи смислоутворення

У статті аналізується феномен « споконвічного запізнення «особистісного досвіду. Поняття «споконвічне запізнення» особистісного досвіду, за версією статті, дозволяє виявити розрив між досвідом, що переживається та досвідом, що артикулюється. Пропонується топос розриву інтерпретувати як один з можливих шляхів смислоутворення, що провокує пошук іншого нарратива, іншої історії, інших інтерпретативних стратегій.

Ключові слова: споконвічне запізнення, особистісний досвід, подія, топос розриву, шляхи смислоутворення.

Лебединская И.В. Личностный опыт: пути смыслообразования

В статье анализируется феномен « изначального опоздания «личностного опыта. Понятие «изначальное опоздание «личностного опыта, по версии статьи, позволяет обнаружить разрыв между опытом пережитым и опытом артикулируемым. Предлагается топос разрыва интерпретировать как один из возможных путей смыслообразования, провоцирующий поиск иного нарратива, иной истории, иных интерпретативных стратегий.

Ключевые слова: изначальное опоздание, личностный опыт, событие, топос разрыва, пути смыслообразования.

Lebedinskaya I.V. Personal experience: ways of meaning formation

The article analyzes the phenomenon of «initial backwardness» of personal experience. The concept of «initial backwardness» of personal experience is supposed to enable detecting of the gap between the experience which is lived through and the articulated experience. The author suggests to interpret the gap topos as one possible way of meaning formation, which incites search for a new narrative, new story, new interpretation strategies.

Key words: initial backwardness, personal experience, event, gap topos, ways of meaning formation

Понимание и интерпретация феномена опыта человека заключается, как известно, в порождении смысла, т.е. в смыслопродукции. Обрести эту способность можно только будучи включенным в определенную культурную, общественную и жизненную ситуацию, которые не только предшествуют, но и создают возможности опыта понимания и интерпретации.

Это означает, что условия возможности понимания и интерпретации опыта изначально включены в эту человеческую способность, и

оказываются в итоге опредмеченными не только в виде результата процесса понимания и интерпретации, но и как состояния понимающего субъекта, избираемые им интерпретативные стратегии. Носителями опыта понимания являются различного рода социальные и культурные практики, в которые человек погружен от рождения.

Феноменологическая традиция в лице Э.Гуссерля основную проблему обнаружила в том, чтобы «именно чистый и, так сказать, еще немой опыт привести к чистому выражению его собственного смысла» [2:61].

Почему возникает эта проблема? Ответ на этот вопрос мы можем отыскать в феноменологии восприятия Мерло-Понти, где ученый пишет о том, что опыт реальной вещи не может быть объяснен воздействием этой вещи на мой разум: для вещи единственный способ воздействия на разум есть представление ему смысла, проявление перед ним, конституирование в умопостигаемых артикуляциях «Открывающееся мне измеряется тем, что я могу об этом сказать» [2: 73].

То есть, между опытом, переживаемым и опытом выраженным, существует, говоря словами Ж.Деррида, «изначальное опоздание». Опыт выраженный всегда вторичен, он является дискурсом об опыте. «...допредикативное никогда не сможет быть восстановлено таким, каким оно существовало в своей немой чистоте до того, как было эксплицировано... Если «выражение « посредством которого об этом опыте говорилось в дискурсе, есть именно выражение смысла этого опыта, то тогда оно есть выражение этого самого опыта. Дискурс заставляет лишь быть выраженным вовне (передать) то, что, будучи имплицитным и немойм, уже содержалось внутри» [2 : 63].

Как считает французский исследователь В.Декомб понятие изначального опоздания опыта парадоксально, но и необходимо. «... начало следует понимать как репетицию премьеры в театральном смысле этих слов: публичное воспроизведение первого представления... Таким образом первоначальным является именно не – начало...В начале – представление и, следовательно, не существует даже репрезентации, поскольку презентация никогда не имела места. Оригинал уже является копией» [2 : 140].

Одну из возможных версий интерпретации феномена изначального опоздания опыта дает и М.Мамардашвили. Ученый объясняет его избыточностью нашей духовной жизни, обусловленную бесконечностью вливающих в нее интерпретаций. Понятия и смыслы, которыми пронизана человеческая ментальная жизнь, как будто бы и имеют размерность индивидуального сознания, но в тоже время являются избы-

точными по отношению к индивидуальному опыту. «В этой размерности мы запаздываем по отношению к самим себе... Например, есть такой термин «доброта» ...Вы не можете слову или представлению «доброта» придать смысл в рамках условий и пределов нашей жизни. Потому что если вы должны доброте определить только в рамках условий своей жизни, то она не имеет смысла. Это несомненный факт... Пруст говорит, что в пределах нашей жизни нет никаких оснований даже для того, чтобы быть просто вежливым... Если все исчерпано в пределах жизни, то не имеет никакого смысла бесконечно повторять и добиваться совершенства...» [5 : 58].

Избыточность степеней свободы, как известно, является необходимым условием человеческого действия, поступка, любого акта мысли и чувства, даже однозначности восприятия. На что, к примеру, обращают внимание историки искусства, анализируя его генезис и связывая всплески творческой фантазии с избыточностью коллективных переживаний.

Несовпадение человека с самим собой (М.Бахтин) в опыте самосмысления, непрозрачность, фрагментарность и мозаичность ее / его культурного опыта, порождает проблему интерпретации и понимания, которая становится предметом исследования целого корпуса неклассических и постнеклассических методологий.

Чем чреват феномен «изначального опоздания «личностного опыта для его интерпретации и понимания?»

Разрыв между опытом переживаемым и опытом артикулируемым получил в гуманитарном дискурсе определение – инстанции у З.Фрейда, трещины – Ж.-П.Сартра, складки или нервы у Ж.Делёза, разлома у С.Жижека. «бреши» у Ж.Женетт.

Здесь в этой расщелине возникают «превращенные формы сознания, создаются ментальные квази-предметы способные надстраиваться одно на другое, обрести значениями, становиться автономными образованиями сознания, воображающими себя конечной точкой отсчета, а в действительности являющимися выражением чегото другого», – пишет М.Мамардашвили [4: 45].

Уставший европейский метафизический ум именно в этом времени / пространстве поместил топос свободы, случайности и событийности как особых модусов существования психического.

О роли случайного в психической жизни человека размышляют многие исследователи. В «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти высказал мысль о том, что в плоти случайного как бы существует определенная структура, нечто наподобие сценария, который не только препятствует богатству интерпретаций, но наоборот создает ее глубин-

ные основания, преобразуя событие в длительную тему жизненной истории.

Р.Порти обращает внимание на катализирующую роль случайного в драматизации человеческой жизни. «Все, начиная со звука слова, цвета листа и заканчивая ощущением кусочка кожи, может, как показал нам Фрейд, способствовать драматизации и кристаллизации чувства самоидентичности человеческого существа. Ибо всякая вещь такого рода в индивидуальной жизни может играть роль, которая, по мнению философов, могла бы, или, по крайней мере, должна была бы быть сыграна лишь вещами универсальными и всеобщими. Она может олицетворять слепой отпечаток, что виден на всем, что мы делаем. Любая констелляция подобных вещей, кажущаяся произвольной, может задавать тональность жизни. Всякая такая констелляция может сформировать безусловную заповедь, служению которой может быть посвящена жизнь; эта заповедь не будет менее безусловной оттого, что она может быть понятна, самое большее, только одному человеку» [6: 63-64].

Осознание роли произвольного, случайного, интерпретируемых как проявление свободы, «чувственно – понятный и мягко – лелеемый анархизм бытия», «как желанная радость хаоса, беспринципно – анархичная стихийность» (А. Лосев) в жизни человека подтолкнуло исследователей к анализу феноменов разрывов, границ, порогов, которые, к примеру, М.Фуко называет самыми радикальными тактами истории.

Событиями, разрывающими обычный ход вещей, взрывающими устоявшийся жизненный порядок, считаются, как известно, пограничные состояния, переживаемые человеком, такие как рождение, смерть, материнство, эрос, сон, опьянение.

«К ним также принадлежат такие феномены разрывов как революция, отделение части государства или конверсия, когда жизненные формы сталкиваются одна с другой или отделяются одна от другой без того, чтобы всеохватывающий порядок регулировал этот переход» [1: 29]. С.Жижек называет радикальным разрывом цепи причинности «риск свободы». Текстовый анализ маркирует разрывы пустотами, отсутствием, пробелами, получившими определение семантических лакун. Это так называемый событийный ряд творческого процесса. К нему относятся апокрифическая культура, смеховые, карнавалы традиции, в структурах которых записан «мятеж и беспокойство», а также маргинальное искусство – планы, дневники, заметки.

Восточная художественная практика и эстетика, которые традиционно ориентировались на целостность восприятия и изображения, уже очень давно осознали семантическую значимость в поэзии -паузы, в

живописи – пятна, в сценическом искусстве – жеста. «Пустотно – белое / кун-бай / «в чаньской школе поэзии и живописи становятся наиболее значимыми частями суоя, нежели само изображение. В восточном театре каждый жест актера несет колоссальную нагрузку, имеет точный рисунок и собственное значение, а значит, транслируется, идентифицируется и, разумеется, дополнительно поддерживает специфические признаки восточной культуры, называемой иногда культурой «намека».

Разрывы, границы, пороги можно интерпретировать и как сопротивление анализируемому материалу, как отсутствие совпадения интерпретативных стратегий исследователя и собственной логики материала. В психоаналитической традиции, к примеру, сопротивление интерпретируется как противодействие превращению бессознательных процессов в сознательные, как сопротивление интерпретациям аналитика, потаенность и защита. В психотерапевтическом дискурсе такими показателями (транскриптами) могут быть – молчание, описки, обмолвки, паузы, замешательство, акцентированные или растягиваемые слова, смех, кашель, смена интонации, за которыми, как считается, возможно скрывается иная, суто индивидуальная (чаще всего конфликтная) психическая реальность.

Фактически это процесс обнаружения топосов столкновения различных позиций, мест различия, инаковости, другости. С этих мест можно начинать поиск – диалог, реконструкцию и реинтерпретацию. Топосы разрывов генерируют проблему, подготавливают переходы, создают парадоксальные ситуации, требующие, к примеру, деконструкции нарратива. Сопротивление материалу, парадокс не являются проблемой бытия – это проблема интерпретатора, его/ее языка, дискурсивных возможностей, видения проблемы. Когда погиб американский космический корабль *Discovery*, главным экспертом по выяснению причин его катастрофы был назначен известный физик XX ст. Р.Фейнман. Вывод, сделанный ученым, потряс всех: к гибели корабля привели коммуникативные разрывы между многочисленными техническими службами, обслуживавшими его работу.

Очевидно, что разрывы, границы, пороги не представляли бы такого научного интереса, если бы они не инициировали возникновение чего-то иного, некой иной реальности, не запускали бы в действие какие-то очень важные для дальнейшего течения событий механизмы. Дестабилизация дискурса, разрывы должны быть предметом особого внимания, считают современные исследователи. По мнению большинства из них, особенно на этом настаивают специалисты по кризисному менеджменту, подобные ситуации провоцируют запуск механизмов

смыслообразования и открывают пути к интерпретации аутентичности явления, события, истории.

Интерпретируя жизненный опыт личности как процесс смыслопородуцирования, мы закономерно пытаемся понять природу смысла. Как иронично замечают некоторые исследователи категории ценность и смысл, безусловно, имеют какое-то отношение к психике, но при этом их сложно отнести к разряду собственно психических феноменов, они не локализуются ни на полюсе объекта, ни на полюсе субъекта.

Современные психологические исследования склонны прежде всего обращать внимание на его трансгрессивный характер, то есть пограничный способ существования – на границе психики и культуры [8]. «где трансгрессия – это жест обращенный к пределу» (М.Фуко). Понятие трансгрессии в постмодернистском дискурсе фиксирует феномен перехода. А средством фиксации трансгрессивного опыта становится симулякр – способ реализации событийности.

Анализируя особенности смыслообразования в культуре, ученые подчеркивают исчезание смысла от возможностей воплощения его в сумме выражений (М.Бахтин, В.Подорога). Рефлексивные процедуры, попытки рационализации лишь расширяют сферу абсурда до невозможности постичь, например, поступок самопожертвования. Единственным его смыслом, главным личностным ресурсом осуществления оказывается его психологический смысл, тождественность которого «гарантируется только непрерывностью определенных означаемых (понятия Бога, мира...) в порядке речи, поскольку сворачивает значения, которые должны еще сами развернуться в порядке языка... Вот почему последняя возможность, по-видимому, состоит в том, чтобы отождествить смысл с сигнификацией» [3: 36-37]. Ведь значения – это проговоренные, проделанные, интонированные (Н.Автомова) структуры, фундирующие символические структуры сознания и поддерживающие его историческую преемственность то есть длительность или то, что П. Рикер называет прослеживаемостью. Но в этом то как раз и заключался парадокс Кэррола, замечает Ж.Дельоз, поскольку значение никогда не играет роли последнего основания, ибо само неизбежно зависит от денотации.

Идея эта не нова. Вспомним М.Бахтина: «У человека не существует внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря в себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого». Вспомним и Л.Выготского, который прямо понимал становление психических процессов как переход к новому принципу их порождения. Предположу, что в традиции культурно-исторической психологии этот феномен был назван Б.Элькониным объектом психологии развития или

«особой реальностью перехода». (У целого ряда современных исследователей термин развитие вызывает возражение. Он ассоциируется с завышенной оценкой спонтанности или наоборот, при попытке учесть этот оттенок и заменить его понятием формирование усиливается подчеркивание момента навязывания формирующих стратегий как оказывающих насилие... Поэтому предлагается ввести понятие становление, связанное с философской традицией и прежде всего гегелевской, как термин отражающий базовую характеристику человека – способность к самоорганизации, к деланию самого себя, как термин снимающий все другие определения – развитие, формирование и самоделание. (Self-mademan) (См. Е.А.Климов. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности. // Психол.ж-л, 2005, том 26, № 3, стр.94-110).

Мысль о том, что топосы порождения смысловых событийностей не локализируются в индивидуальной психике, а вызревают на пересечении с «внеположенным ей пространством» (Ю.Лотман), то есть из контекста, не последнюю роль в артикуляции которой сыграл К.Леви-Стросс, стала фактически одним из основных мотивов поворота европейской мысли от структурализма к постструктурализму, сместив акценты поиска с феномена фиксированной структуры как «формы культурного наследования» (П.Рикер) на пути смыслообразования. Где путь – «особое время и особая онтологическая реальность» (К. Абульханова).

Современные исследователи рассматривают опыт как многокачественный и полифункциональный процесс, в котором как бы «упакован, коллапсирован» (М.Мамардашвили) жизненный путь человека и благодаря которому он обретает способность в любой момент времени ориентироваться более или менее успешно в мире и в самом себе. Использование метафоры пути для интерпретации феномена опыта позволяет зримо высвечивать особенности его становления.

К примеру, понятие поворот, получившее у М.Хайдеггера наименование *Kehe*, означает особую процедуру углубления в собственные истоки, поворот как возвращение, служащее необходимой предпосылкой продвижения на пути достижения качественно новых измерений личностного роста. Понятием *Kehe* в немецком языке называется место, где серпантин горной дороги почти поворачивает назад, чтобы как можно ближе приблизиться к перевалу. Этим же понятием, безусловно, можно обозначать и поворот мысли, поворот, который предполагает рефлексивную процедуру соотнесения себя с опытом – как ориентиром и мерой.

Известно, какую роль в феноменологии, всегда проявлявшую чувствительность к пространственным метафорам, играет понятие горизонт. Как его обыгрывают трансперсональные психологи и какую роль

метафора « границы эго « играет в постмодернизме и гештальт-психологии.

Но если смысл не существует ни в вещах, ни в разуме. Если у него нет ни физического, ни ментального существования, то как он возможен, спрашивает Ж.Делез? Формой фиксации смысла становится событие, интерпретируемое как форма фиксации активности субъекта (В.Барабанщиков, А.Кроник, Б.Эльконин).

Особый статус события, его созвучность бытию, обнаруживаемая даже в этимологии слова со – бытие, его одновременное существование во времени, пространстве и в тоже время вне времени и вне пространства только путем умозаключения (Б.Рассел), позволяет говорить о перцептивно-символической форме его существования (Ж.Делез).

В этом контексте смысл становится событием. « Смысл не сливается ни с предложением, ни с положением вещей или качеством, которое данное предложение обозначает. Он является именно границей между предложением и вещами. Это именно тот *aliquid*, который обладает сразу и сверх-бытием, и упорством, то есть тем минимумом бытия, который побуждает упорство. Именно поэтому смысл и есть «событие», при условии, что событие не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в положении вещей. Так что мы не будем теперь спрашивать, в чем смысл события: событие и есть смысл как таковой» [3: 42].

Для обозначения понятия идеального события Ж.Делёз вводит термин сингулярность – «место космогенеза», «точка вне измерений», «промежуток между измерениями». Некое ожидание события. (Вспомним предпонимание по Г.Гадамеру, целевое поле по М.Мамардашвили, личностное знание по М.Полани). И.Пригожин интерпретирует эти идеи как пафос синергетики, сместившей акценты с принципа детерминистского развития на самоконструирование и самопостроение.

Идея «изначального опоздания» личностного опыта, его событийной опосредованности позволяет, перефразируя В.Декомба, сказать – опыт существует потому, что настоящее запаздывает по отношению к самому себе. А значит открывает путь свободе интерпретаций.

Выводы: 1. Одной из характеристик личностного опыта является феномен его «изначального опоздания». Введение понятия «изначального опоздания» дает возможность зафиксировать разрыв между опытом переживаемым и опытом артикулируемым.

2. Топос разрыва, может интерпретироваться как один из возможных путей смыслообразования, провоцирующий поиск иного нарратива, иной истории, иных интерпретативных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вельш Вольфганг Наш постмодерний модерн. / Вольф Вельш; [Пер. з нім. А.П.Богачова, М.Д.Култасвої, П.А.Ситниченко] – К.: Альтерпрес, 2004. – 328 с.
2. Декомб Винсент. Современная французская философия: [Сборник]. / Винсент Декомб; [пер.с франц.Л.Никифоровой]. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000. – 344 с.
3. Делез Ж. Логика смысла. / Жиль Делез; [Пер. с франц. Я.Свирского]. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480 с.
4. Мамардашвили М.К.. Классический и неклассический идеалы рациональности./ Мераб Константинович Мамардашвили. – Тбилиси.: Мецниераба, 1984. – 81с.
5. Мамардашвили Мераб. Лекции о Прусте (психологическая топология пути)./ Мераб Константинович Мамардашвили. – М.: Ad Marginem, 1995. – 547с.
6. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Ричард Рорти; [Пер. с англ. И.Хестановой, Р.Хестанова]. – М.: Рус. феномен.-об-во, 1996. – 282 с.
7. Соціально-психологічні чинники розуміння та інтерпретації особистого досвіду: монографія / [за ред. Н.В.Чепелевої]. – К.: Педагогічна думка. – 2008. – 256 с.
8. Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / [Отв.ред.В.В.Знаков, Г.В.Залевский]. – М.: «Институт психологии РАН», 2008. – 344 с.